

В своих «Воспоминаниях» Анна Григорьевна останавливается на эпизоде, когда весной 1868 г., после смерти их первого ребенка, трехмесячной Сони, они покинули Женеву и направились в Веве. И тут, на пароходе, впервые за все время их семейной жизни, Достоевский возопил. Анна Григорьевна «услышала его горькие жалобы на судьбу, всю жизнь его преследовавшую». Упомянуто было и первое супружество: «Говорил о своих мечтах найти в браке своем с Марией Дмитриевной столь желанное семейное счастье, которое, увы, не осуществилось: детей от Марии Дмитриевны он не имел», а из-за ее характера «был очень несчастлив». Среди этих откровений должно было бы непременно присутствовать самое важное – о Вергунове. Но этого – нет.

При том, что другие подробности Анне Григорьевне были ведомы.

По уверению Любови Федоровны, ее отец «с грустью... повторял позорные слова Марии Дмитриевны: «Ни одна женщина не полюбит бывшего каторжника». Это – не злостная выдумка мемуаристки. Подтверждение этих слов мы находим в дневниковой записи двадцатилетней Анны Григорьевны: «...Мария Дмитриевна ругала его каторжником, подлецом, колодником, и ей все сходило с рук»

Вот он – первоисточник. Хотя дочь и не читала стенографических дневников своей матери, именно у нее она черпает свою информацию. Почему же, повторим еще раз, в записях Анны Григорьевны нет никаких следов другой истории – с красавцем-учителем, столь выигрышной, чтобы унижить *соперницу*?

Но посмотрим внимательнее.

Приведя «цитату» из Марии Дмитриевны – о том, что нельзя любить бывшего каторжника, Любовь Федоровна комментирует ее следующим образом: «Лишь дочь раба могла следовать этому принципу лакейской души; подобная мысль никогда не зародилась бы в великодушной европейской душе». У самой Анны Григорьевны мы не найдем таких глобальных нравственно-антропологических обобщений. Вполне бесхитростно она приводит следующий диалог. Однажды, во время семейной ссоры, ответствуя на упрек Достоевского, что его никто не обзывал оскорбительными словами, находчивая Анна Григорьевна вспоминает покойную Марию Дмитриевну. Ибо она «его и каторжником ругала». Что же отвечает Достоевский на этот убедительный довод? Автор дневника аккуратно фиксирует его прямую речь:

« – Ругала она и хуже, но ведь все знают, что она из ума выжила, как говорят в народе, что она было полоумная, а в последний год и совсем ума не было, ведь она и чертей выгоняла, так что с нее спрашивать».

Нелишне еще раз убедиться, сколь многое зависит от контекста. Ругательства Марии Дмитриевны обретают в свете сказанного Достоевским совсем иной характер, нежели тот, который через десятилетия старается придать им Любовь Федоровна. В ее изложении – это сознательные оскорбления, исходящие от злой и неблагодарной особы, «дочери раба», «лакейской души» и т.д. Но разве так трактует их Достоевский? Он-то как раз находит оправдание своей оскорбительнице – в ее крайне болезненном состоянии, в психической неадекватности и т.д. – «так что с нее спрашивать». То, что у Любови Федоровны выглядит как *криминал*, у Достоевского вызывает только жалость.

И еще одно важное признание зафиксировано в женевском дневнике. Достоевский говорит, что Марье Дмитриевне «уже года 3 до смерти представлялись разные вещи, виделось то, чего вовсе и не было. Например, представлялся какой-нибудь человек, и она уверяла, что такой человек был, между тем, решительно никого не было». Он приводит конкретный образчик ее фантазий: «...Она ужасно не любила свою сестру Варвару (что подтверждается, в частности, проанализированным выше ее письмом к последней. – И.В.), говорила, что она была в связи с ее первым мужем (т.е. с А.И. Исаевым! – И.В.), чего вовсе никогда не было».

Возможно, именно здесь находится ключ к разгадке.